

УДК 903'1.22

Н.П. Матвеева¹, Т.М. Потёмкина², А.И. Соловьёв³¹*Институт проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: IVNPM@yandex.ru*²*Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: tamilapt@mtu-net.ru*³*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЯЗЕВО-3)

Введение

Изучение социальной стратификации обществ раннего железного века Западной Сибири, в частности с точки зрения уровня воинской специализации и развития военного дела, в последние годы вызывает особый интерес. Материалы недавно открытых богатейших комплексов, подобных найденным в Сидоровке и Исаковке [Матющенко, Татаурова, 1997; Погодин, 1998; Погодин, Труфанов, 1991], результаты работ по реконструкции социальной структуры саргатцев, позволившие сделать выводы о существовании нескольких групп вооруженного мужского населения, имевших особый статус и функции, и принадлежности военных дружин к элитарному сословию уже в III в. до н.э. [Матвеева, 1994, 1998, 2000б], открывают возможности для более обоснованной интерпретации конкретных воинских погребений. В этой связи особого внимания заслуживает захоронение воина в кургане могильника Язево-3 (рис. 1), исследованное экспедицией Курганского пединститута под руководством Т.М. Потемкиной 30 лет назад. Материалы его пока не опубликовались.

Характеристика погребального комплекса и вещевого материала

Курганная группа расположена в 7 км к северу от д. Язево Куртамышского р-на, справа от дороги в д. Песьяное. Она состояла из шести курганов, вытянутых цепочкой по береговой террасе высохшего озера в 300–500 м от края берега. Все курганы расположены на пашне, окаймленной березовыми колками (рис. 2). Курганы различаются по размерам. Курган № 1 самый большой в группе, его высота 3,5 м, диаметр 30 м. Вокруг него прослеживается заплывший ров глубиной ок. 0,5 м. С наружной стороны ко рву примыкает вал высотой 0,6 м и шириной 2,5 м. Курган № 2 находится в 250 м от кург. № 1. Его поверхность распахана, а насыпь в значительной степени снесена. Она достигает в диаметре 32 м и возвышается над уровнем современной дневной поверхности на 1,5 м. Курган № 4 задернован. На его вершине установлена триангуляционная вышка. В 20 м от кург. № 4 расположен кург. № 5. Его высота составляет 1,5 м, диаметр 28 м. Курган № 6 расположен вблизи кург. № 5, его высота 1,2 м, диаметр 26 м.

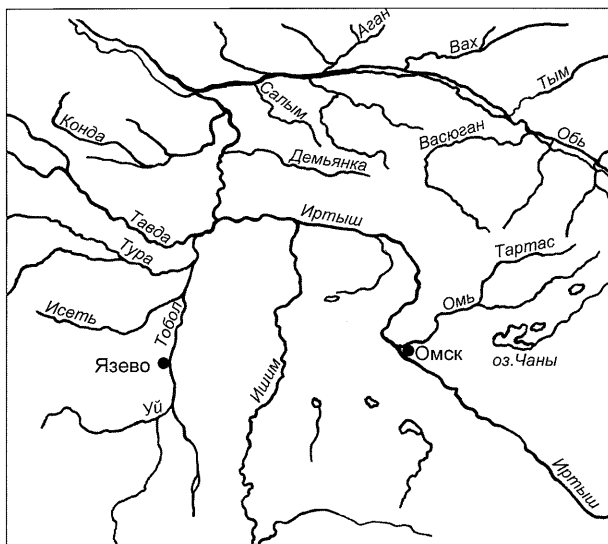

Рис. 1. Схема расположения могильника Язево-3.

В некрополе был исследован кург. № 3. Его насыпь размерами 30×43 м и высотой 0,8 м вписана в раскоп площадью 480 м^2 , разбитый на квадраты 2×2 м. Снятие насыпи проводилось по горизонтам сначала на периферии, затем на вынос в центре.

Курганную насыпь ограничивал кольцевой ров с внутренним диаметром 20 м, шириной 1,4–1,9 м и глубиной 0,65–0,8 м. В поперечнике ров имел полуовальную форму. Выброс из рва уложен с внутренней стороны в виде небольшого валика шириной 1,7–2 м и высотой 0,30–0,35 м. Во рву и поблизости от него обнаружены следы шести небольших кострищ овальной формы размерами ок. $0,4 \times 0,6$ м (рис. 3). Они представляли собой оранжевые пятна прокаленного песка, окаймленные черной углистой полосой. В кострище в северо-северо-восточной части насыпи сохранились угли и следы обгоревших бревен. Пятна прокала и угли отмечены в северо-западной, северо-северо-западной, западной, юго-восточной и восточной-северо-восточной частях кургана. Они зафиксированы над выбросом из рва и в его вторичном заполнении на разной глубине. Пространственно-стратиграфический анализ позволяет связывать западное кострище, приуроченное к уровню погребенной почвы (–130...–140 см), с погребальной тризной, а все другие, находившиеся выше и у подножия насыпи, а также во рву, с поминальными обрядами.

Под насыпью кургана на глубине 50 см от вершины была обнаружена конструкция (длина в пределах 0,6–1 м, диаметр 0,15–0,3 м) из коротких березовых неошкуренных бревен. Бревна были уложены радиально, вплотную друг к другу и образовывали круг диаметром 10 м. Их подпирали бревна, уложенные по периметру сооружения перпендикулярно, причем у восточного и западного краев было зафиксиро-

вано по два поперечных бревна, у северо-восточного – три, у юго-восточного – около пяти. Одна часть бревен лежала на погребенной почве, другая – поверх глинистого выброса из могилы. В восточной части погребального сооружения бревна были обожжены, здесь сохранилось много углей. Возможно, это был участок проведения первой тризны у могилы. Эта часть конструкции изувечена грабительским ходом и сохранилась хуже всего. Над могилой бревен не оказалось; они провалились внутрь ямы и быстро разрушились в открытой бугровщиками камере, о чем можно судить по рыхлому грунту коричневого цвета и мелким кускам рыхлой древесины.

В центре кургана находилась единственная могила овальной формы размерами $4,5 \times 3,6$ м и глубиной от уровня погребенной почвы 1,8 м. Ее внешние размеры, видимо, искажены грабительским вкопом. Стенки ямы были наклонные, и на уровне дна ее размеры сократились до $2,4 \times 1,8$ м. По периметру дна была прокопана канавка шириной 0,5–0,8 м и глубиной 0,3–0,35 м, которая расширялась в северном углу до 1 м. Благодаря ей была образована приподнятая площадка размерами $1,9 \times 1,3$ м, на которой и было совершено захоронение. Выкид оконтуривал края могилы и имел форму овального, слегка оплыв-

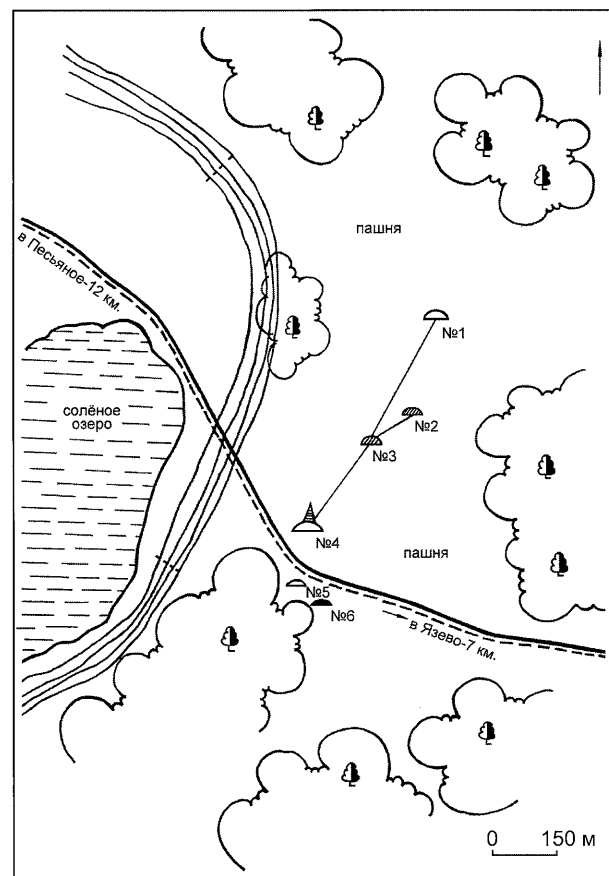

Рис. 2. План могильника Язево-3.

шего в яму кольца, внутренний диаметр которого составлял ок. 4 м, ширина 1,5 м и высота над уровнем погребенной поверхности 0,3–0,5 м.

Курган разграблен. В заполнении ямы на различной глубине встречены кости человека, обломки костяных панцирных (рис. 4) и железных пластинок, а также неопределенные фрагменты железных предметов. Череп лежал на дне ямы в северной части приподнятой площадки, а скопление трубчатых костей и тазовая кость со следами медных окислов – в юго-восточной части. Это позволяет предположить, что погребенный был ориентирован по линии северо-запад – юго-восток.

В могиле найдены: костяной черешковый ромбический в сечении наконечник стрелы длиной 7,5 см с пером длиной 5,3 см (рис. 5, 28), три медные пластинки прямо угольной формы с загнутыми поперечными концами шириной 0,7–0,9 см и длиной 1,5 см – 3 экз. (рис. 5, 29, 30, 31), обломок пера железного трехлопастного наконечника стрелы (рис. 5, 26), 109 целых и фрагментированных пан-

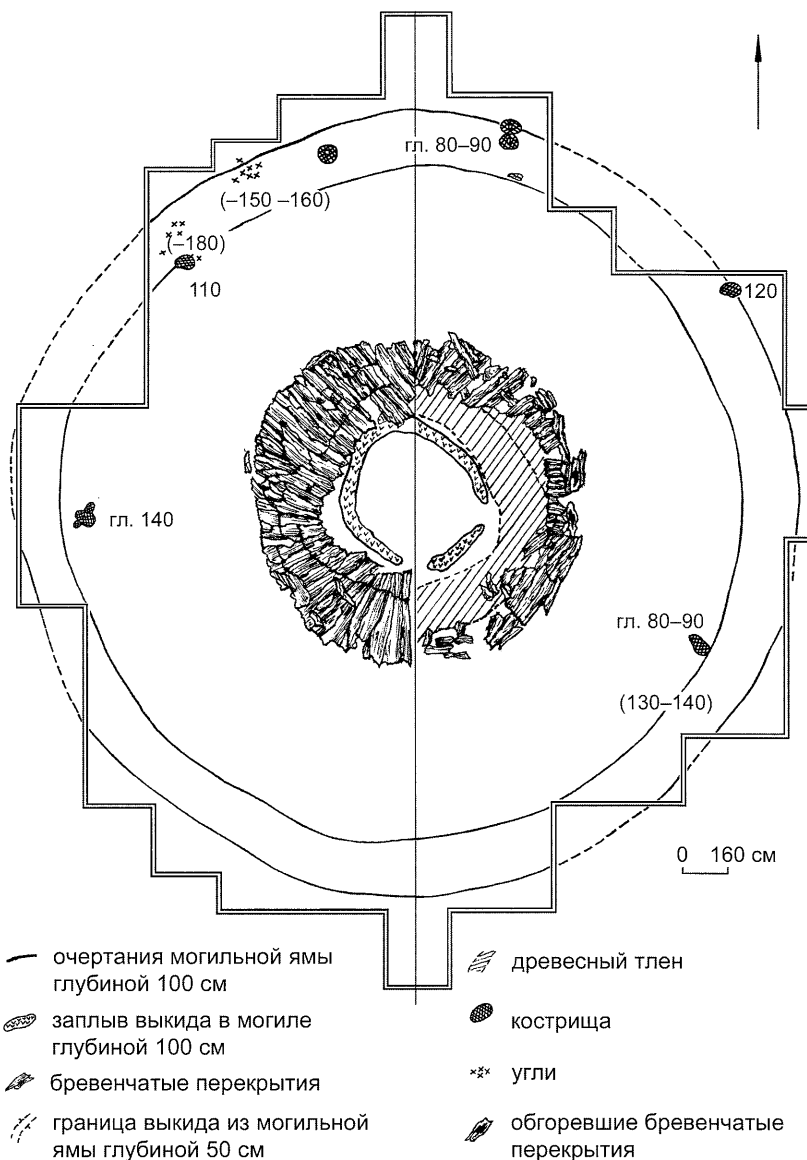

Рис. 3. Генплан раскопа кург. № 3 могильника Язев-3.

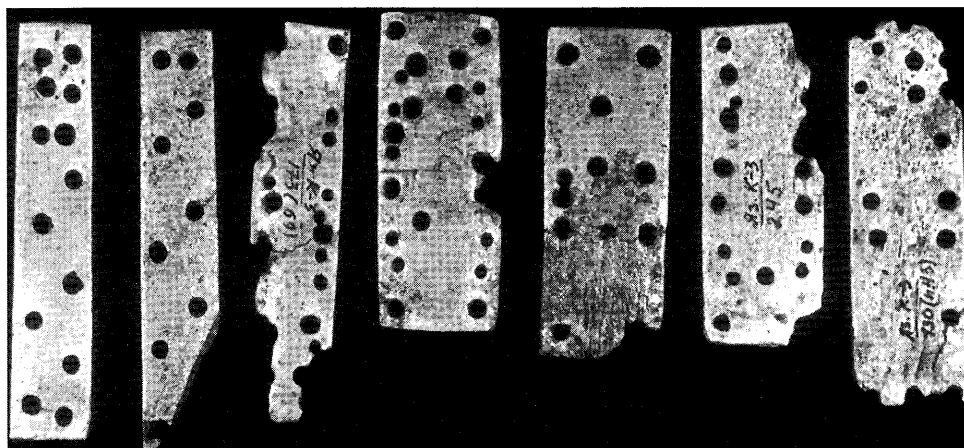

Рис. 4. Детали панциря из погр. № 1 кург. № 3 могильника Язев-3.

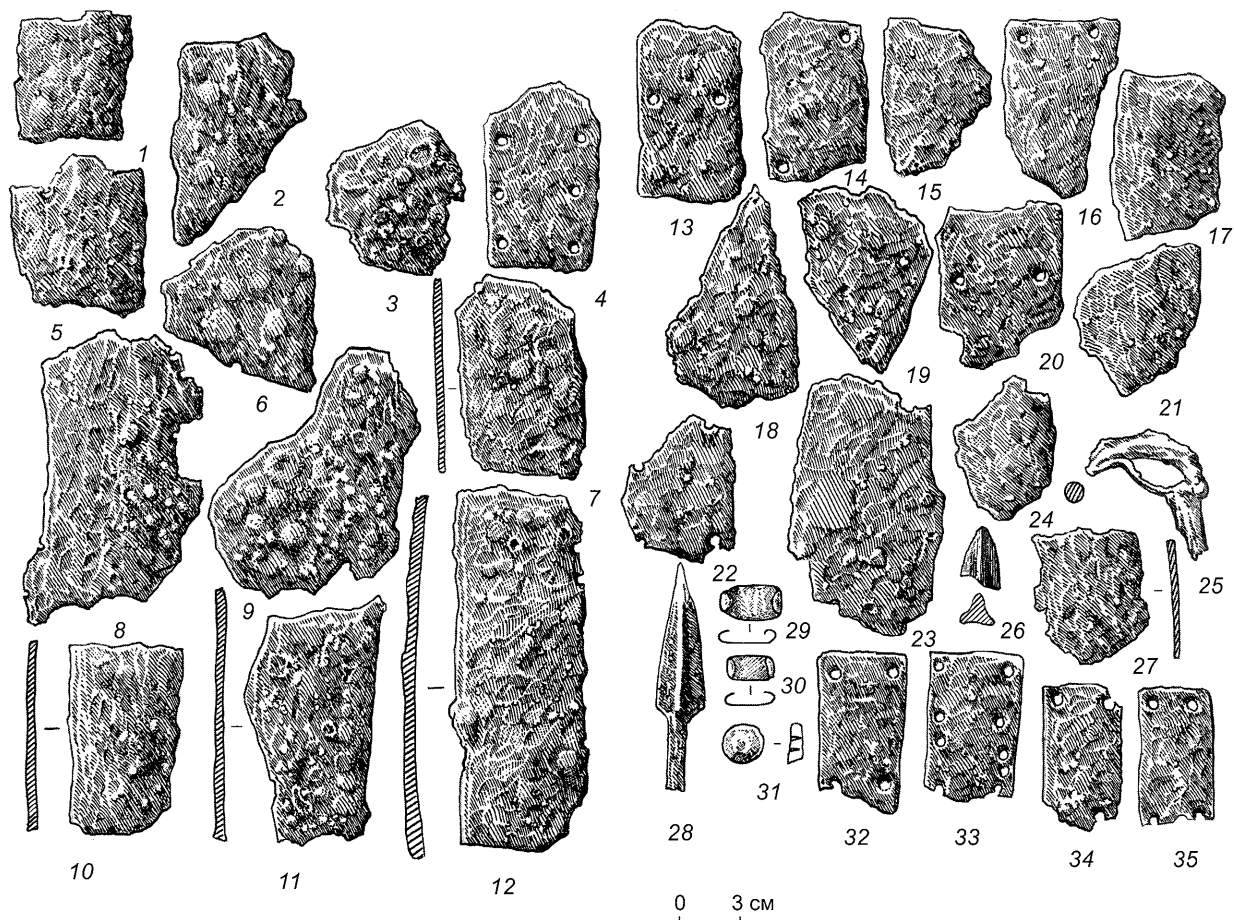

Рис. 5. Железные предметы из погребения №1 кург. N3 могильника Язев-3.

цирных пластин из рога, 25 фрагментов панцирных пластин из железа. Там же были обнаружены 182 неопределимых обломка различных железных предметов. Четыре из них могут быть приблизительно интерпретированы. Один обломок размерами $3,5 \times 7$ см со следами дерева и меди, вероятно, служил для скрепления элементов из разных материалов; другой – плоский, шириной 4,3 см и длиной 11,4 см похож на обломок клинка кинжала, третий и четвертый соответственно крючкообразной (рис. 5, 25) и полукольцевидной формы могли быть обломками конской упряжи, пряжек или удил.

Обломки железных панцирных пластин принадлежат не менее чем восьми крупным экземплярам. Сохранность их плохая, на большинстве отверстия запылились и едва различимы. Наиболее крупная пластина, имеющая девять отверстий, прямоугольная, слегка изогнутая по форме, ее размеры $7 \times 5,5$ см. Шесть других неполных прямоугольных пластин длиной от 4,2 до 11 см, шириной от 3,5 до 5 см имели два – пять отверстий (рис. 5, 1–24, 27).

Панцири с железными пластинками известны в курганах скифов савроматов и меотов IV–III вв. до н.э. [Полин, 1984, с. 116–117; Горелик, 1993,

с. 110–111; Смирнов, 1964, с. 69, рис. 52, 3б; Пузикова, 1969, с. 94]. Найдены они и в элитарных саргатских некрополях Исаковка-1 и Сидоровка [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 45, рис. 21; Погодин, 1998, с. 54–55].

Костяные панцирные пластинки различаются по размерам и количеству отверстий. Толщина их примерно одинакова – 0,5 см, ширина колеблется от 1,7 до 5,3 см, длина – от 6,5 до 11,5 см; диаметр отверстий от 2,5 до 5 мм. Подобные пластины часто находят в погребениях саргатской культуры, особенно раннего и среднего этапа. Они датируются в основном IV–II вв. до н.э., хотя встречаются и более поздние образцы. Железный трехлопастный наконечник может быть отнесен к III в. до н.э. Железные остатки упряжи и клинкового оружия есть основания связывать с III–II вв. до н.э., но для этого периода не характерны одиночные захоронения в курганах и костяные наборные доспехи. Впрочем, известны исключения, например, одномогильные курганы в могильниках Нижне-Ингальский-1 (№ 1) и Старо-Лыбаевский-4 (№ 35), датированных I–III вв. н.э. [Матвеева, 1999, 2000a].

Предметы защитного вооружения

Среди инвентаря из кургана Язев-3 наибольший интерес представляют панцирные пластины, разнообразные по форме, размерам и комбинации крепежных отверстий. По ним можно попытаться реконструировать панцирь. К сожалению, решение этой задачи затруднено тем, что звенья панциря представлены в основном фрагментами; они перемещены и рассеяны внутри погребального комплекса. Кроме того, поскольку захоронение было разграблено, не ясно, были положены в него целые латы или только их часть. Без ответа на этот вопрос невозможно уверенно реконструировать панцирный набор.

По форме костяные пластины панциря можно разделить на несколько групп:

1-я — подпрямоугольные узкие, со скошенным верхом. Представлена двумя пластинами размерами $1,9 \times 9,7$ см (рис. 6, 4, 5);

2-ая — широкие прямоугольные. Представлена двумя пластинами размерами $5,3 \times 10,2$ см, на которых имеются по 20 одинаково расположенных отверстий (рис. 6, 1, 2);

3-я — закругленные. Представлены разными по размерам обломками крупных пластин (рис. 6, 3, 38);

4-я — удлиненно-прямоугольные. Пластинки различаются по пропорциям: длиной от 8,7 до 9,3 см и шириной от 2,5 и до 3 см с симметричными спаренными отверстиями по центру (рис. 6, 7, 9, 14, 26, 45, 47);

шесть целых и несколько обломков длиной 10 см и шириной 3 см (рис. 6, 13, 20, 31, 37, 47). К этой же подгруппе относится не менее семи пластин длиной 10–10,5 см и шириной 2,5 см с одинаково расположенными отверстиями (рис. 6, 18, 21, 23, 24). Для них характерно расположение в центральной части вдоль продольной линии двояных или строенных отверстий напротив друг друга;

пять целых и несколько обломков длиной 11,5 см и шириной 3 см (рис. 6, 13, 14, 27, 29, 38); шириной ок. 2–2,2 см, длина не восстанавливается, возможно, она была ок. 10 см, как у узких трапецевидных пластин (рис. 6, 30, 41, 43, 48).

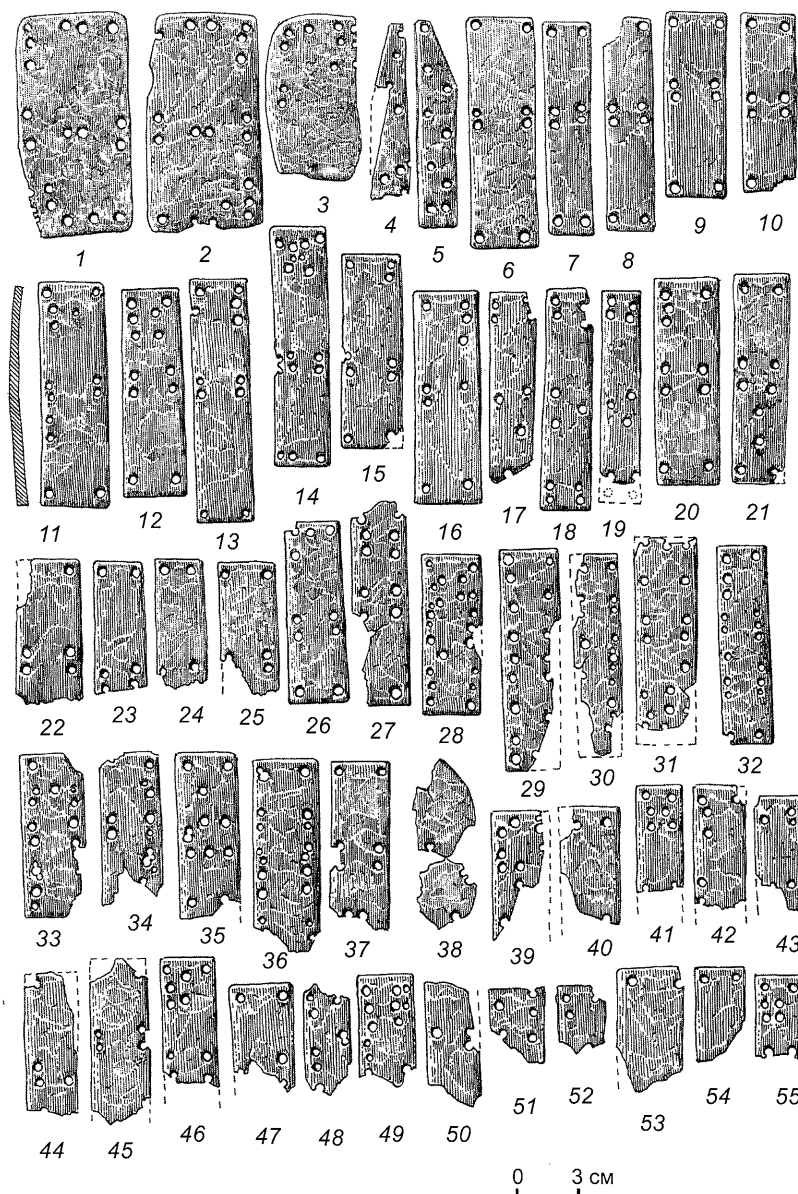

Рис. 6. Роговые панцирные пластины из погр. № 1 кург. № 3 могильника Язев-3.

На пластинах обычно не меньше восьми отверстий: по одному в углах и по два спаренных в центре вдоль продольных линий. На некоторых пластинах наоборот, спаренные отверстия расположены в углах, а в середине пластины — группа из трех отверстий (рис. 6, 19). На отдельных пластинах дырочки покрывают сплошь весь продольный край, но не хаотично, а ритмически, чередуясь по две и три (рис. 6, 14, 28, 32). Две пластины выделяются по количеству отверстий на торцах, причем сверху (?) имеется три ряда дырочек, а внизу — только один. Обнаружены пластины с отверстиями в центре по продольной линии и по бокам (рис. 6, 39).

Обсуждение материалов

Предложенное типологическое членение достаточно условно и носит альтернативный характер, поскольку роговые панцирные пластины, в отличие от металлических аналогов, не столь стандартизированы. Мы имеем в виду следующее: целая серия крепежных отверстий в пластинах явно связана с ошибками сверловки и зачастую при соединении звеньев доспеха между собой, когда противолежащие отверстия разных пластин не совпадали, мастер проделывал очередную дырку в нужном месте, порой так близко к предыдущей, что два или более отверстий сливались в одно (рис. 6, 28, 33–35, 46). Кроме того, появление некоторых отверстий можно рассматривать как результат ремонта, призванного восстановить поврежденное соединение путем высверливания пары дополнительных отверстий, через которые пропускался и завязывался новый шнур. Судя по этнографическим материалам, для вязки пластин между собой использовался кожаный ремешок, ширина которого превосходила диаметр крепежных отверстий (наш ремешок шириной ок. 5–6 мм и толщиной 0,5–0,8 мм). Такой ремешок туго входил в дырочки и прочно стискивался их краями. Его, протягивая, скручивали и смачивали, а затем распрямляли по обеим сторонам отверстий. В результате без значительного усилия, грозящего сломать саму панцирную пластину, ее уже нельзя было двигать вдоль ремешка, равно как и извлечь последний из отверстия. Даже будучи рассеченным, такой ремешок продолжал удерживать звено доспехов. Таким образом, при ремонте панциря саргатцам было проще просверлить лишнюю пару дырочек под новый ремешок, нежели извлекать из множества отверстий панцирной ленты обрывки старого и потом опять протаскивать в них новый.

Результатом вышеописанных операций являются конструктивно не предусмотренные комбинации отверстий, обуславливающие явный типологический разнотип. Поэтому важно определить “базовые” отверстия, функционально необходимые для сборки панцирных лент по заранее продуманной схеме. Отметим, что далеко не все они могли быть задействованы при сборке. Кстати, даже в металлических панцирных пластинах, как показывают этнографические материалы, были “лишние” монтажные отверстия. Надо полагать, что мастера нередко делали отверстия с некоторым “запасом”, чтобы можно было максимально успешно решать возникавшие при сборке панциря проблемы, которые, в частности, возникали в связи с не очень точным соблюдением размеров самих пластин и отверстий в них.

Что касается способов вязки деталей доспехов между собой, то едва ли мы ошибемся, предпола-

гая, что мастера далеко не всегда следовали строго установленным стандартам. Приемов скрепления пластин ремнями могло быть несколько. Один и тот же набор отверстий позволяет, кстати, использовать различные “ходы” крепежных ремней и способы шнуровки. Еще 200–300 лет назад, когда конструкция пластинчатых доспехов была уже отработана и сформировались поколения профессиональных мастеров-бронников, наладивших в массовом количестве выпуск стандартных металлических звеньев, сборкой лат, например в Джунгарии, занимались женщины, которых со всех улусов специально собирали в одном месте. Там, по сведениям, сообщенным жене русского посла И. Унковского некой ойраткой, иногда трудилось более 300 чел. [Златкин, 1983, с. 238–239]. Следует полагать, каждая из этих мастериц обладала индивидуальным опытом и своими приемами работы, в т.ч. плетения и вязки.

Задачу реконструкции немало затрудняет отсутствие изображений воинов эпохи раннего железного века в Западной Сибири. Сегодня крайне сложно составить даже приблизительное представление о покрое защитной одежды местного населения той далекой эпохи. Поэтому, рассматривая находки из могильника Язевое-3, мы вынуждены обращаться к материалам более широкого территориального и хронологического диапазона, в первую очередь районов, население которых традиционно производило защитное вооружение из сырья органического происхождения – рога и кости.

Прежде чем реконструировать покрое положенного в погребение панциря, определим некоторые методические моменты. Первостепенными по важности элементами всякой защитной одежды являются приспособления для прикрытия корпуса и головы – жизненно важных центров и наиболее уязвимых частей тела. Учитывая это, приоритетной конструкторской задачей должно быть создание всякого рода нагрудников, наспинников, набрюшников, кирас, шлемов и т.д. Их устройство, а следовательно, и степень эффективности безусловно связаны с поражающими возможностями оружия нападения, которому они призваны противостоять. В VI–III вв. до н.э. в ближнем бою воины-саргатцы использовали типы клинкового оружия, распространенные у кочевого населения Приуралья, Казахстана, Средней Азии, – с когте- и серповидным навершием, бабочковидным и прямым перекрестием [Могильников, 1992, с. 303]. Низкое качество металла вряд ли позволяло наносить сделанными из него орудиями мощные рубящие удары, способные рассеять плотное препятствие. Фехтовальная техника саргатских воинов с такими мечами, скорее всего, не отличалась от приемов ближнего боя, проанализированных по скифским и сарматским материалам М.В. Гореликом [1993,

с. 21, 33–35], и сочеталась с проведением борцовских бросков и захватов, проводимых верхом и в пешем строю. Именно для таких поединков наиболее удобным средством нательной защиты представляются различного рода короткие панцири, закрывающие туловище, бока и спину и не сковывающие движения. Отметим, что не случайно в период существования военно-потестарных организаций у различных племен и народов при отсутствии регулярных профессиональных воинских соединений, требующих специальной выучки, набор нательных средств защиты включал лишь щиты, шлемы или простые панцирные нагрудники [Конолли, 2001, с. 113–126, 149–152, 175; Котенко, 1997, с. 110–123].

Защита конечностей также связана с развитием поражающих возможностей клинкового оружия и фехтовальной техники, которые в рассматриваемое время были еще достаточно примитивными. Серьезным препятствием для рубящего удара легким саргатским мечом были плотная кожа, обмотанная в несколько слоев вокруг предплечий, а тем более связанные из длинных прямых прутьев кожаными ремешками или крапивной нитью наручи.

В погребении Язево-3 найдено 109 роговых панцирных пластин, некоторые из них являются обломками одного предмета. Следовательно, количество защитных элементов в могиле было еще меньше (мы не учитываем фрагменты костяной “брони”, вполне возможно уничтоженные и выброшенные из захоронения грабителями). Если все эти защитные элементы из Язево-3, сгруппировав самым простым способом – по размерам, форме и по числу отверстий (восемь и более), разложить рядами на плоскости друг подле друга, то получится фигура, напоминающая приземистую ступенчатую пирамиду ок. 50–55 см в высоту и 68–70 см в ширину у основания и 23–27 см у вершины. Разумеется, эти данные носят приближенный, оценочный характер, ибо остаются незадействованными многие фрагменты; учет же их может изменить (сеем надеяться, не столь существенно) размеры. Согласно антропометрическим данным, мужчины – представители саргатской культуры не отличались особо выдающимися физическими данными (высокий рост, выраженная длинноноготь или массивность корпуса). Это были невысокие пропорционально сложенные люди, ниже наших современников среднего роста. По метрическим данным, полученным по материалам Гаевского могильника [Курто, Ражев, 1997], средний рост мужчин (отбросим крайние величины – 156 и 174 см) составлял 170 см. С учетом этих размеров и стандартных пропорций человеческого тела вычислим антропометрические параметры среднестатистического саргатца. В результате несложных расчетов получим округленные результаты: ширина плеч ок. 45 см,

груди на уровне подмышечных впадин – 36 см, талии – 30 см, тела на уровне подвздошных костей и паха – 35 см и 37 см соответственно, тела от основания шеи до подвздошных костей и паха – 47–48 см и ок. 59 см соответственно. Сравнение этих данных с параметрами защитной поверхности, составленной из роговых панцирных пластин, найденных на могильнике Язево-3, показывает, что верхний ряд собранной нами ступенчатой пирамиды способен практически полностью закрыть всю верхнюю часть груди саргатского воина, не мешая движению рук, а нижняя ее часть может целиком охватить корпус мужчины в области таза. Таким образом, мы имеем дело, скорее всего, с панцирем, закрывавшим только туловище и напоминающим, по терминологии М.В. Горелика, защитное вооружение типа “корсет – кираса”. Панцирная одежда такого типа, собранная из связанных ремнями пластин, широко представлена среди древностей Китая [Ян Хун, 1980, с. 26, 78, 153] и этнографических материалов, полученных от обитателей севера Восточной Сибири [Антропова, 1957, рис. 25, 26; Laufer, 1967, Pl. XXIX, p. 263] и Нового Света [Ernest, Burch, 1988, fig. 306–308].

Обратимся к данным этнографии, необходимым для интерпретации археологического материала. Среди них мы легко найдем типологические параллели реконструируемой боевой одежде из Язево-3. Например, эскимосский панцирь, приобретенный Г. Торнтоном у аборигенов в 1892 г. и хранящийся в Вашингтонском национальном музее, состоит из трех рядов длинных прямоугольных пластин из мамонтовой кости, связанных друг с другом ремнями. Пластины двух нижних рядов целиком охватывают корпус воина и застегиваются ремешками на боку. Третий, верхний, ряд состоит из двух групп аналогичных пластин (по восемь, десять штук), которые закрывают верхнюю часть груди и спины между подмышечными впадинами. В середине каждой такой группы одна из пластин пересекает другую (прилегающую к ней) по диагонали, крепясь через специальное отверстие, просверленное в ее середине. В результате каждая такая группа (передняя и задняя) имеют форму трапеции, к широкому основанию которой подвязаны нижние ряды (рис. 7). Доспех составлен из 99 пластин, его максимальная ширина 110 см, высота 45 см* [Laufer, 1967, Pl. XXIX].

* К сожалению, мы не имели возможности провести метрическое обследование других образцов традиционных систем защитного вооружения, сделанных из рога или мамонтовой кости аборигенами Чукотки, Аляски, Дальнего Востока, но, основываясь на фотоллюстрациях, предполагаем, что по своим параметрам они не очень отличаются от вышеприведенных.

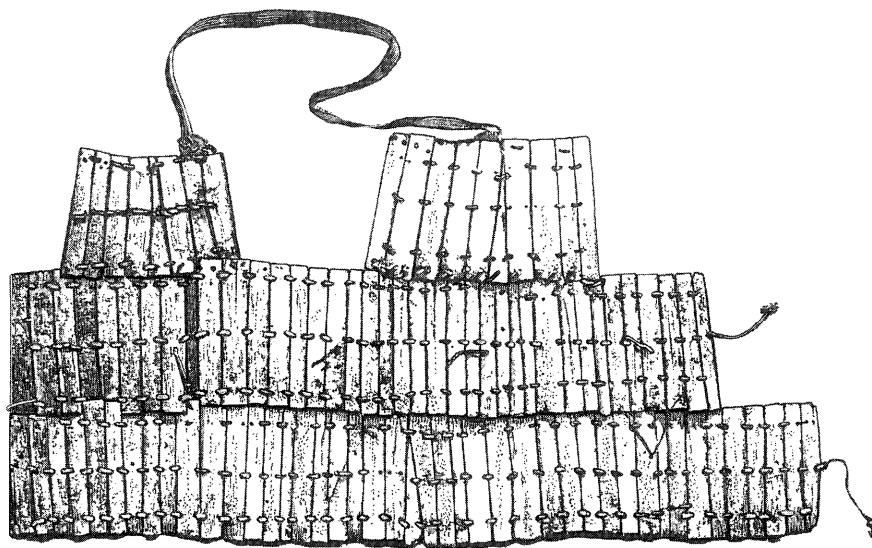

Рис. 7. Эскимосский панцирь из мамонтового бивня. Мыс принца Уэльского (Аляска) (по: [Laufer, 1967, Pl. XXIX]).

Как видим, по параметрам этот панцирь тоже близок к реконструируемому по материалам Язев-3. Большая ширина аляскинского панциря объясняется тем, что его надевали поверх толстой теплой меховой одежды. Кроме того, язевские латы тоже могли быть шире в силу причин, на которые мы уже обращали внимание. Другой эскимосский панцирь XIX в. с азиатского побережья Берингового пролива представляется значительно ближе к тому варианту защитного вооружения, который может быть воссоздан по саргатским материалам. Он также опускается до бедер, целиком охватывает корпус воина и состоит из четырех рядов защитных пластин. Верхний ряд представлен небольшой группой самых крупных защитных звеньев, закрывавших грудную клетку от ключиц. Самые крайние правая и левая пластины этой группы, находящиеся у подмышек, имеют скошенный и скругленный верхние углы. Три нижних ряда, которые замыкаются в кольцо вокруг туловища, состоят из более мелких прямоугольных пластин с тремя группами парных отверстий близ обоих краев и середины. Все эти кольца из пластин примерно одинаковые по ширине, но разные в диаметре. Самые маленькие располагаются выше пояса и плотно охватывают тело, а ниже они становились все шире и шире (рис. 8, 9, 4). Кольца вставлялись друг в друга приблизительно на треть своей ширины, как в складном походном стаканчике. Они соединялись ремнями между собой только в нескольких точках и могли складываться, не мешая движениям корпуса. Такие панцири включали и большее число рядов; в этом случае они прикрывали еще пах и ягодицы (рис. 9, 1, 2) [Антропова, 1957, рис. 25, 26].

Обратимся к панцирю из Язев-3. Из всей массы имеющегося материала обращают на себя внимание прежде всего самые крупные широкие звенья доспеха (см. рис. 6, 1, 2), очень близкие по комбинациям крепежных отверстий. Небольшое различие между ними обусловлено тем, что угол одной из пластин обломился по линии трех последовательно просверленных отверстий, и мастер, очевидно ремонт-

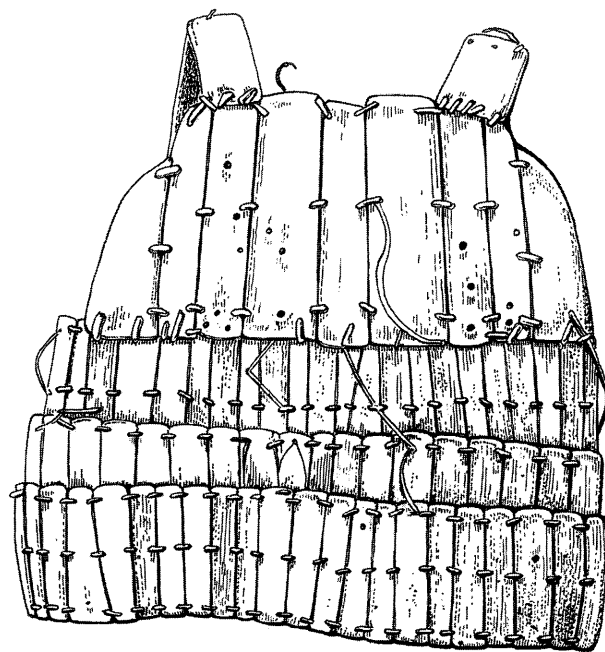

Рис. 8. Эскимосский панцирь из костяных пластинок. Остров Св. Лаврентия (по: [Антропова, 1957, с. 27]).

тируя поврежденные доспехи, сделал в этой пластине еще два дополнительных отверстия. К этим пластинам по размерам тяготеют еще несколько обломков, вероятно, таких же крупных роговых звеньев с одним скругленным углом (см. рис. 6, 3, 38). Эта группа защитных элементов, надо полагать, закрывала верхнюю часть груди, причем пластины со скругленным углом располагались ближе к началу и, соответственно, концу ряда, близ подмышек. Очевидно, здесь же находят свое место узкие односторонне скошенные пластины (см. рис. 6, 4, 5), с обеих сторон замыкающие такой укороченный ряд из широких роговых звеньев. Одна из таких лент должна была располагаться сзади и прикрывать верхнюю часть спины.

Следующая, самая многочисленная, группа представлена вытянутыми прямоугольными пластинами, которые распадаются на три варианта по размерам, но объединяются в единый тип по комбинации восьми крепежных отверстий – по одному в углах и по две пары в середине каждой из них (см. рис. 6, 6–10). Защитное вооружение с аналогичными деталями было довольно широко распространено во времени и пространстве. Такие пластины известны среди древностей раннего железного века на Алтае [Горбунов, 1999, с. 48, рис. 1, 8, 9] и Дальнем Востоке [Деревянко, 1976, табл. XVII, 1], эпохи средневековья в Японии, а также этнографических материалов Северной Пасифики XIX в. [Антропова, 1957, рис. 26].

Все остальные пластины панцирного набора из могильника Язев-3, кроме двух со скошенным верхом (см. рис. 6, 4, 5), имеют однообразную прямоугольную форму. У большинства единая схема расположения отверстий: четыре по углам и четыре посередине, которую условно можно назвать базовой; она дополнена несколькими дырочками, расположенными по оси предмета (см. рис. 6, 21, 37) на одном (см. рис. 6, 12, 13, 15, 20, 26, 46) или обоих (рис. 6, 14) краях либо вдоль длинных сторон (см. рис. 6, 11, 27, 28, 32, 36). Таким образом, практически все прямоугольные пластины язевского панциря могли быть последовательно соединены между собой в ряды-ленты благодаря базовым отверстиям у длинных сторон; дополнительные отверстия последовательно сверлились, скорее всего, уже при сборке панциря для решения конкретных монтажных задач укрепления связи элементов либо соединения между собой полученных бронелент. Такое предположение позволяет сделать анализ схем отверстий: базовые отверстия на всех пластинах сделаны на одном расстоянии, а дополнительные высверлены весьма произвольно, причем по диаметру они различны (см. рис. 6, 28, 30, 33–36).

Анализ пространственного взаиморасположения базовых и дополнительных отверстий позволяет

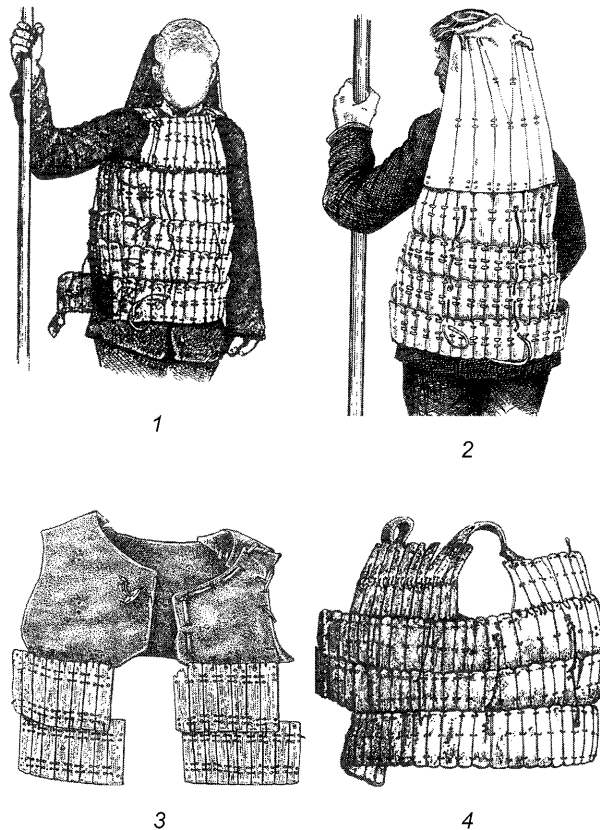

Рис. 9. Панцири из костяных пластинок.

1, 2 – с защитным приспособлением для шеи (по: [Ratzel, 1886, fig. 5, 6; Антропова, 1957, с. 209]); 3 – с кожаным полужилетом (по: [Ernest, Burch, 1988, fig. 306]); 4 – с боковым запахом (по: [Idid., fig.7]).

прийти к заключению, что монтажная схема данного панциря основывалась на двух основных принципах создания армированной поверхности – ламellarном (автономное соединение между собой защитных чешуек в ленты ремной или шнуровой вязкой) и “чешуйчатом” (армирующие элементы пришивались к несущей кожаной или матерчатой основе). Такую конструкцию имеют многие металлические панцири более позднего времени [Худяков, Соловьев, 1987, с. 137–138]. Компактные группы дополнительных отверстий, высверленные в верхней части защитных элементов из Язев-3 (см. рис. 6, 11, 12, 41, 46, 49), со всей определенностью указывают на то, что они, подобно пуговицам, пришивались к “мягкой” подкладке из какого-то органического материала (кожа, грубая холстина?), выполнявшей роль основы. Но в панцирном наборе есть также многочисленная серия армирующих звеньев лишь с базовыми отверстиями. Логично будет расположить эти элементы в верхней части панциря, сразу же под рядом самых широких пластин, т.е. там, где в соответствии с анатомией человека

не требовалась особо гибкая и подвижная броня и куда легко могут доходить кожаные лопасти, закрывающие плечи.

Примеры технических решений такого рода встречаются среди традиционного защитного вооружения из органических материалов. Они представляют собой подобие короткого жилета из толстой грубой кожи, закрывающего только плечи и верхнюю половину груди. К нижнему краю пришит ряд прямоугольных пластин из кости, к которым тонкими ремешками подвешена еще одна аналогичная панцирная лента (см. рис. 9, 3). Конструкция такого панциря вполне допускает использование еще одного ряда верхних усиливающих деталей. Вероятно, именно такими были кулайские панцири с крупными роговыми нагрудными панцирными пластинами, украшенными знаменитыми гравировками личин в коронах и с оружием. Во всяком случае нагрудная пластина из Дубровинского Борка [Троицкая, 1979, табл. XIX, 1], судя по сохранившейся половине, состояла из двух частей, каждая из которых, похоже, располагалась на отдельной поле короткого кожаного боевого “полужилета”, удлиненного снизу несколькими ярусами расположенных друг над другом панцирных лент из роговых пластин. Саргатский панцирь из Язево-3, вероятно, имел аналогичные конструктивные особенности, но отличался по устройству набора верхнего ряда панцирных пластин, их размерам и форме.

В составе саргатского панцирного набора обращает на себя внимание серия прямоугольных пластин с парными отверстиями по краям и тремя отверстиями в средней части (см. рис. 6, 16–19, 44). Еще одна чешуйка с тремя аналогично расположенными отверстиями в центре выделяется по количеству крепежных отверстий по углам. Это обычный базовый набор с двумя дополнительными отверстиями вдоль одной из длинных сторон (см. рис. 6, 16). Близкие аналоги этим предметам мы находим среди археологических материалов пазырыкской культуры Горного Алтая [Горбунов, 1999, с. 48, 52, рис. 1, 14]. Основное различие между саргатскими и пазырыкскими изделиями заключается в количестве отверстий по углам. Алтайские имеют по одному отверстию в каждом углу, т.е. ту же компоновку, которая является базовой для основной массы роговых деталей язевского панциря. В.В. Горбуновым реконструирована даже особая система связки таких пластин в ленты и лент между собой, подразумевающая создание цельного панцирного поля [Там же, рис. 2, 3, а, б]. Отметим, что в этом случае оно получается слишком жестким и негибким, чтобы иметь практическое применение на значительных участках поверхности боевой одежды. Наличие малой серии подобных деталей в массе защитных элементов язевского

панциря предполагает иной вариант их использования. По нашему мнению, пластины с треугольником из отверстий в средней части располагались цепочкой вдоль каждой полы панциря по линии его разреза; когда обе полы надетых лат смыкались, центральные одиночные отверстия противоположащих пластин оказывались друг подле друга. Фактически, они помещались в начале и конце каждого наборного ряда, исключая, пожалуй, верхний, который был самым коротким и не охватывал тело воина. Свободные концы ремешка, которым через парные отверстия стягивались армирующие элементы ряда, выпущенные через такие одинарные отверстия наружу, служили для скрепления створок панциря друг с другом.

Рассматривая панцирь из Язево-3, мы должны решить вопрос о принципе создания его бронированной поверхности, т.е. о способе соединения пластин друг с другом – встык или внахлест, ибо расположение монтажных отверстий на его защитных элементах почти с равным успехом позволяет использовать оба приема. Обратимся к материалам саргатского могильника Красногорский-1, в кург. № 17 которого *in situ* обнаружены остатки рогового панциря. Около 40 его “пластин размерами 10 × 4 и 10 × 3 см... плотно прилегали друг к другу, заходя одна на другую” и располагались “в два слоя, вогнутыми поверхностями друг к другу” [Матвеева, 1987, с. 64; 1993, с. 35–38]. Последняя деталь сразу же наводит на мысль о том, что в данном памятнике, как и в Язево-3, представлены части лат, закрывавших грудь и спину. С точки зрения Л.И. Погодина, при сборке красногорского доспеха вряд ли использовалась система “расположения пластин с частичным наложением друг на друга”, ибо при таком способе размещения толщина панциря на стыках должна составлять не менее 1 см, а “при нахлесте друг на друга готовых полос или рядов толщина... увеличивается еще в два раза” [1998, с. 52]. В результате это сковывало бы воина, а участки стыков выступали бы резкими буграми и неровностями. Данное замечание, в целом справедливое, нуждается в некоторых уточнениях. Действительно, прямоугольные роговые пластины при сборке лат ламеллярной структуры легче соединять между собой длинными сторонами встык. Скреплению внахлест препятствует толщина материала, необходимая для надежной защиты от удара. Только используя металл, можно многократно накладывать звенья друг на друга без риска получить толстую, громоздкую, негибкую конструкцию. Кроме того, как показывает практика, добиться тесного смыкания боковых сторон толстых роговых звеньев несравненно легче, нежели плотного прилегания друг к другу плоскостей их внешней и внутренней поверх-

ностей. *. Небольшие зазоры, которые все же оставались между пластинами, не снижали защитных свойств таких доспехов. Острие, попавшее в такую щель, смещало пластины, и они становились под некоторым углом друг к другу, зажимая между собой клинок.

Хорошо известны панцири из рога с бесспорным наложением пластин друг на друга. Так, среди археологических материалов, полученных корейскими археологами при раскопках средневековой крепости Мончон VI–VII вв.**, имеются остатки рогового панциря с четким наложением защитных звеньев друг на друга. Крупные фрагменты такого средневекового рогового панциря, составленного из пластин, соединенных аналогичным образом, довелось видеть и одному из авторов настоящей статьи в музее университета Кёнги в Сеуле. Все эти пластины имеют скругленные концы и являются точной копией образцов, широко распространенных на территории Центральной и Северной Азии в эпоху раннего средневековья. Характерно, что и в описании этнографических роговых панцирей из пластин с весьма простой и архаичной группировкой отверстий – по одному в углах и еще по одному в средней части вдоль каждой из длинных сторон – фиксируется налегание таких звеньев друг на друга [Laufer, 1967, Pl. XXIX]. Особо отметим, что данные пластины весьма близки к язевским и, являясь точным аналогом вышеупомянутых польцевских изделий эпохи раннего железа, находят ближайшие параллели среди материалов погр. 1767 могильника Шаньцуньлинь в Китае VIII – первой половины VII в. до н.э. [Горелик, 1993, табл. LVI, 15, с. 329].

Ответ на вопрос, как же все-таки скреплялись между собой роговые пластины панциря, дает, как ни странно, совершенно иной предмет воинской и охотничьей экипировки – браслет для защиты левой руки от ударов тетивой при стрельбе из лука. Один из таких предметов, вероятно, относящийся к середине – третьей четверти XIX в., был обнаружен А.В. Бауло на старом заброшенном хантыйском культовом месте близ пос. Вершина Войкара Шурьшкарского р-на Ямало-Ненецкого АО***. Он представляет собой ряд небольших костяных пластинок с парой отверстий вдоль длинных сторон, стянутых меж-

ду собой кожаными ремешками. Каждое из таких звеньев типологически напоминает чешуйки кулайских доспехов с территории Нижнего Приобья. Фактически это миниатюрная панцирная лента со всеми особенностями ременной вязки*.

Пластины браслета плотно соединены между собой встык таким образом, что, охватывая криволинейную поверхность (в данном случае запястье), плотно прижимаются друг к другу. Для достижения этого эффекта продольные ребра некоторых из них имеют слабовыраженный скос внутрь. Когда же такая лента оказывается в развернутом состоянии, например, лежит на ровной поверхности, ее звенья местами надвигаются друг на друга. При протягивании сквозь монтажные отверстия в панцирных пластинах кожаные ремешки для облегчения процесса смачиваются и, следовательно, растягиваются. Высыхая, они неизбежно сжимаются. Когда это происходит, ремни, будучи прочно зажатые в крепежных отверстиях, еще сильнее стягивают панцирные пластины друг с другом. С годами кожа грубеет, становится все короче, кромки пластин снятого и развернутого панциря, имея легкий скос внутрь, еще больше налегают друг на друга. Кроме того, если погребавшие пытались разместить панцирь на дне могилы компактнее, неизбежно возникали поперечные деформации, которые усиливали налегание его звеньев друг на друга. Вероятно, именно такой деформации подвергся и панцирь из могильника Красногорский-1.

Латы конструируются с учетом обводов человеческого тела. Следовательно, в рабочем состоянии их поверхность криволинейна, и степень этой кривизны должна варьировать в зависимости от анатомии корпуса воина. Оптимальный способ создания профиля, адекватного прикрываемой поверхности, из таких неэластичных материалов, как рог и кость, предусматривает изменение ширины панцирных пластин – от более крупных на груди и спине к явно зауженным на боках. Пожалуй, этим можно объяснить различия в ширине базовых пластин язевского панциря (см. рис. 6, 6–9, 22, 24). Место расположения на нем самых коротких пластин с большим количеством дополнительных отверстий вдоль длинных сторон (см. рис. 6, 28, 35) однозначно определить трудно. В какой-то мере получить ответ на этот вопрос может помочь одна из особенностей доспеха из могильника Красногорский-1. Доспех поврежден грабителями, и звенья его растрескались; при расчистке был зафиксирован, по всей видимости, оплечный участок,

* Металлические пластины, связанные внахлест, можно дополнительно проковать и, устранив все зазоры, добиться плотного прилегания (смыкания) их плоскостей. Металл при этом получает т.н. холодный наклеп, который увеличивает прочность.

** Благодарим аспиранта ИАЭТ СО РАН Хон Хен У за любезно предоставленную информацию.

*** Благодарим А.В. Бауло за возможность ознакомиться с полевыми материалами.

* С учетом такой трактовки можно обратить особое внимание на отдельные панцирные пластины в погребениях и предположить использование некоторых из них в качестве защитных приспособлений для стрельбы из лука.

пластины которого были меньше, чем детали корпуса, но имели большее количество отверстий. Вероятно, и у лат из могильника Язев-3 означенные пластины располагались где-нибудь в области плеча. Впрочем, можно предположить, что эти пластины защищали паховую область. Возможно, они составляли небольшой квадрат или прямоугольник и крепились к нижней ленте доспехов. Допустимы, конечно, и иные варианты использования таких пластин, например, вторичное использование пластин от другого, ранее изготовленного и пришедшего в негодность панциря, и т.д., но все они носят столь же предположительный характер.

Труднее всего решить вопрос о месте и роли металлических пластин в конструкции. Гипотетически их можно соотносить как с остатками панциря, так и с какими-то другими защитными элементами боевой экипировки. В.Н. Васильев и А.Х. Пшеничнюк видят в близком по набору защитных элементов изделия из кург. 9 Филипповского могильника комбинированные доспехи и предполагают, что железные пластины защищали грудную, а костяные – поясную части туловища [1994, с. 127]. Л.И. Погодин также признает существование комбинированных панцирей из кости и железа и считает, что они могли появиться, скорее всего, в результате неоднократного ремонта и замены сломанных костяных пластин на железные [1998, с. 57]. Отсюда вытекает еще одно предположение об использовании роговых деталей с многочисленными отверстиями в качестве “переходных” между железными звеньями с одной системой отверстий и “костяными” с совсем другим порядком интервалов между ними. На наш взгляд, замена в процессе ремонта роговых деталей на железные выглядит маловероятной прежде всего из-за больших трудностей, связанных с подбором (а скорее всего, изготовлением железных звеньев с заданными размерами), согласованием систем и диаметра их отверстий, наращиванием оборванных шнуров и т.д. При этом следует учитывать, что железный панцирь, который с позиций сегодняшнего дня обычно оценивается как более прочный по сравнению с латами из органических материалов, на самом деле таковым вряд ли являлся. Согласно данным металлографических анализов, даже средневековые железные панцирные пластины не подвергались закалке и были сделаны из обычного мягкого низкоуглеродистого металла низкого качества. В процессе дополнительной проковки в холодном состоянии их поверхность приобретала т.н. холодный наклеп, который и был основным приемом упрочнения армирующих звеньев [Зиняков, 1997, с. 125]. Как показало обследование небольшой серии саргатских мечей металлографическими методами, это высококачественное по мер-

кам той эпохи оружие ковалось из пластин сырцово-стали с низким содержанием углерода и упрочнялось холодным наклепом [Соловьев, Мартынов, Теребило, 1987, с. 138; Зиняков, 1997, с. 105–106]. Таким образом, есть все основания считать, что технология изготовления железных пластин саргатских панцирей едва ли была более прогрессивной, а значит, и собранные из них латы не отличались особыми прочностными характеристиками.

Для эффективного использования железных доспехов необходима толстая мягкая подкладка, которая обладает демпфирующими свойствами и в значительной степени поглощает энергию удара. Без нее защитные возможности таких лат резко снижаются. Что касается панцирей из рога, то пластичность природного сырья, его способность упруго противостоять удару оружия той эпохи делали их прекрасным защитным средством, несколько не уступавшим металлическим аналогам. Они, правда, отличались несомненной громоздкостью, и надетая под них толстая подкладка, столь необходимая для металлических лат, ограничивала подвижность воина. Поэтому версия о наличии в одном панцире деталей из рога и железа нам видится малоперспективной, хотя такое сочетание возможно. Оно может быть обусловлено прежде всего ремонтом, но связанным не с заменой поврежденных роговых звеньев на железные, а с латанием поврежденной поверхности панциря железными пластинами – они служили в качестве армирующих заплат и стяжных полос. Кроме того, железные детали могли использоваться для создания дополнительных элементов защиты, например оплечий, для которых толщина рога является помехой, и наконец, для изготовления накладных железных нагрудников, которые могли надеваться поверх рогового панциря либо, что менее вероятно, под него. Можно допустить, что такие нагрудники наглухо привязывались к роговым, выполнявшим в этом случае роль основы. Но пока в саргатских памятниках не обнаружены новые достоверные комбинированные панцири, все высказанные соображения остаются всего лишь гипотезами.

Что же касается комплекта железных панцирных пластин из Язев-3, то нам представляется целесообразным соотносить их с остатками дополнительных средств защиты, конструктивно не связанных с панцирем. Количество железных фрагментов и кривизна поверхности некоторых из них как будто дают основания видеть в них детали шлема и щита. Тем более, что щиты, армированные металлическими пластинами, которые скреплены ремнями, хорошо известны по материалам из скифского времени западной части страны [Полин, 1984, рис. 10, с. 116–117; Горелик, 1993, с. 189–190, табл. LXV].

Заключение

Панцирь, положенный в центральную могилу кург. № 3 могильника Язеве-3, на наш взгляд, наиболее уверенно реконструируется в виде короткого полужилета из грубой кожи, прикрывающего плечи и верхние части корпуса. К нему ремнями пришивались два ряда широких пластин, каждый из которых защищал верхнюю часть груди и спины. Непосредственно под этими рядами и тесно смыкаясь с ними, по нижнему краю полужилета пришивалась длинная “броневая” лента, собранная из прямоугольных пластин, к которой подвешивалось ремешками еще несколько ярусов таких же лент, прикрывавших живот и область таза. В кавалерийском варианте лат (рис. 10) спинка полужилета доходила до крестца (ведь для воина, сидящего на лошади, панцирный набор на ягодицах и ниже был помехой), спереди свешивались один-два укороченных ряда лент, которые закрывали паховую область. Учитывая, что саргатские седла, как пазырыкские и все другие седла скифского времени, не имели жестких лук, закрывающих нижнюю часть живота от ударов противников, дополнительный элемент, предохраняющий это очень уязвимое место, был не лишним. Кстати, специальные набрюшники, призванные закрывать низ живота конных воинов, хорошо известны по собственно скифским материалам [Горелик, 1984, с. 121].

Отметим, что возможна еще одна реконструкция, основанная на признании справедливости тезиса о том, что в могилу была положена лишь часть панциря. В этом случае по аналогии с имеющимися в наличии пластинами восстанавливаются отсутствующие звенья и воссоздается уже гораздо более совершенный тип ламеллярного защитного вооружения длиной до середины бедра, который имел прямой вырез на вороте и несшитые рукава оплечья и самые крупные пластины на груди в составе самостоятельного ряда. Такие доспехи имели в середине груди по 19 пластин в ряду, в области живота и бедер — по 35 пластин и состояли из 7–8 вертикально сцепленных между собой армированных лент. Участки такого панциря по линии оплечных ремней (от ключиц спереди до лопаток сзади) были составлены из горизонтально расположенных роговых пластин. Завязывался такой панцирь, видимо, на боку ремешками* (рис. 11).

* Макет такого доспеха в натуральную величину из картона был выполнен в 2000 г. студентом Тюменского гос. университета В.В. Дмитриевым под руководством Н.П. Матвеевой. Как выяснилось, такой панцирь нельзя было завязать без посторонней помощи, кроме того, для посадки на коня в нем непременно должно быть два симметричных разреза (шлицы) внизу.

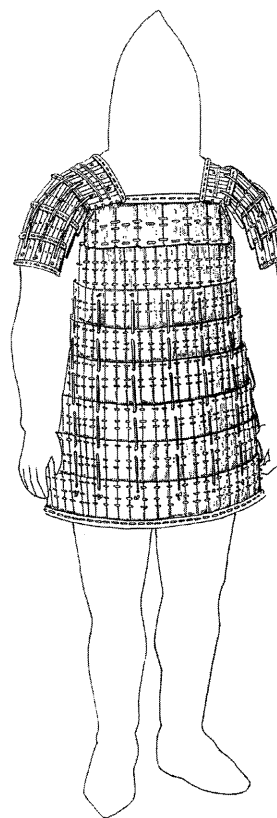

Рис. 10. Реконструкция саргатского рогового панциря по макету В.В. Дмитриева.

Но подобная реконструкция, сделанная на основании только имеющегося материала, остается уязвимой.

Материал из Язеве-3 позволяет сделать несколько замечаний технологического порядка. Процесс создания защитного вооружения из органических материалов был длительным, он включал поиск и сбор природного сырья, его первичную обработку и требовал устойчивых производственных навыков. Хотя вполне вероятно, что отдельные детали таких лат по мере необходимости мог изготовить уже сам владелец доспеха (или кто-то из его людей). Это, возможно, объясняет видимый разброс в параметрах роговых компонентов защитной одежды.

Судя по распределению отчетливо различимых кровеносных каналов на внутренней поверхности рассматриваемого материала, сырьем для доспехов послужил рог, вероятно лося, отчлененный преимущественно от плоскости кроны (лопаты) и нижней части стебля. Впрочем, олений рог имеет также немало участков, естественная форма которых удобна для получения панцирных пластин [Бородовский, 1997, с. 85]. Если применялась технология обработки рога для получения пластин, реконструированная А.П. Бородовским, то затраты труда на их массовое производство были очень велики

Рис. 11. Саргатский всадник в роговом доспехе.
Рисунок М.А. Лобырева.

(см.: [Там же, с. 80–86, 94–104, табл. 50–52, 55]). Поскольку даже для самой простой защитной одежды – панцирного нагрудника – требовалось изрядное количество пластин – 100 и более, а объем рогового сырья при всей его распространенности едва ли достигал больших величин, сырьевые возможности каждого конкретного рога использовались максимально. Отсюда еще одна из причин нестандартности, а зачастую и вынужденного разброса в параметрах панцирных пластин, которые, надо полагать, делали “на глазок”*. Можно почти с уверенностью говорить о высокой стоимости готового изделия, которая, судя по затратам труда и времени на сбор сырья, его обработку, производство пластин и боевым качествам панциря, была не ниже, чем у железных лат.

* Любопытные сведения о точности традиционного производства приводит В.М. Кулемзин: при встрече два года через знакомый хант “вслепую” изготовил ему новую рукоять для подаренного ранее и утерянного ножа, по размерам она полностью соответствовала оставленным в городе ножам [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 44–45].

В заключение отметим, что саргатцы крайне редко помещали в могилу целый доспех. По-видимому, несмотря на доступность материала и относительно несложную технологию, доспехи были дороги в силу трудоемкости процесса их изготовления, кроме того, они являлись символом элитарного положения их обладателя. Но отдельные пластины в погребениях встречаются довольно часто, их помещали, вероятно, по принципу “часть вместо целого”, хотя мы допускаем и использование их не как деталей доспеха.

Согласно результатам проведенного Н.П. Матвеевой палеосоциологического анализа погребений саргатской культуры по масштабам трудозатрат, исследованный комплекс Язев-3 попадает в группу захоронений в очень больших и сложно устроенных усыпальницах со следами неоднократных поминок и с многочисленной разнообразной утварью, оружием, включая доспехи, сбруей, украшениями из бронзы, драгоценных металлов и камней. Таких погребений известны единицы (Красногорский, Тютринский, ранний Богдановский могильники). Предполагается, что в них были погребены военные вожди крупных отрядов [Матвеева, 2000б, с. 167].

Меч и панцирь характерны лишь для членов военной дружины саргатов, которая появилась в III–II вв. до н.э. и включала тяжеловооруженных всадников, оснащенных всем арсеналом оружия ближнего и дальнего боя [Там же, с. 175–189]. Дружинники не только руководили боем, но и принимали в нем непосредственное участие, решая основные тактические задачи, зачастую и без ополчения (совершали набеги, занимались сбором дани). По нашему мнению, подобное снаряжение позволяло им выступать в поединке героев перед войском. Таким образом, можно считать, что в погребении кург. № 3 могильника Язев-3 был захоронен член военной дружины, герой, статусу которого соответствовало сооружение отдельного кургана.

Список литературы

- Антропова В.В.** Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего северо-востока Сибири // Сиб. этногр. сб. 2. Нов. сер. – 1957. – Т. 35. – С. 7–245.
- Бородовский А.П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 222 с.
- Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х.** К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н.э. // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1994. – С. 36–39.
- Горбунов В.В.** Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Алт. ун-т, 1999. – С. 47–55.
- Горелик М.В.** Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наук. думка, 1984. – С. 119–121.
- Горелик М.В.** Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н.э. – М.: Наука, 1993. – 347 с.
- Деревянко А.П.** Приамурье в I тыс. до н.э. – Новосибирск: Наука, 1976. – 383 с.
- Зиняков Н.М.** Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. – Кемерово: Кем. ун-т, 1997. – 367 с.
- Златкин И.Я.** История Джунгарского ханства. – М.: Наука, 1983. – 332 с.
- Коннолли П.** Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 320 с.
- Котенко Ю.В.** Индейцы Великих Равнин. – М.: Изд. Дом “Техника – молодежи”, 1997. – 158 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 135 с.
- Курго П., Ражев Д.И.** Люди // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – С. 86–113.
- Матвеева Н.П.** Погребение знатного воина в Красногорском-1 могильнике // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 60–67.
- Матвеева Н.П.** Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 173 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Пришимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 45 с.
- Матвеева Н.П.** Нижне-Ингальский-1 курганный могильник // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея, 1997. – 1999. – С. 85–94.
- Матвеева Н.П.** Исследование саргатского могильника Старо-Лыбаево-4 в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 2000а. – Вып. 1. – С. 28–32.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск: Наука, 2000б. – 399 с.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В.** Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 196 с.
- Могильников В.А.** Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 292–311.
- Соловьев А.И., Мартынов Е.И., Тербило Г.И.** Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 133–139.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 162 с.
- Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 123 с.
- Погодин Л.И.** Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. – Омск: Ом. ун-т, 1998. – 84 с.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я.** Могильник саргатской культуры Исаковка-3 // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. ун-т, 1991. – С. 98–127.
- Полин С.В.** Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наук. думка, 1984. – С. 103–119.
- Пузикова А.И.** Раскопки могильника скифского времени у села Дубовка в 1965 г. // Население среднего Дона в скифские времена. – М.: Наука, 1969. – 144 с.
- Худяков Ю.С., Соловьев А.И.** Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 135–163.
- Ян Хун.** Чжун го губинци лун цунь (Очерки по истории древнекитайского оружия). – Пекин: Вэньу, 1980. – 153 с. (на кит. яз).
- Ernest S., Burch Jr.** War and trade // Crossroads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. – Wash.; L.: Smitsonian Institution Press, 1988. – P. 227–240.
- Laufer B.** Chinese Clay figures. P. I: Prolegomena on History of Defensive Armor // Publication of Field museum of natural history. Anthropological series. – 1967. – Vol. 13. – P. 73–315.
- Ratzel F.** Iber die Stdbchenpanzer und ihre Verbreitung im nordpazifischen Gebiet // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe dtr k.b. Akademie der Wissenschaften zu München. – 1886. – S. 181–216.

УДК 903.2

В.Е. Войтов¹, Ю.С. Худяков²*¹Государственный Музей искусства народов Востока
Никитский бул., 12а, Москва, Россия**²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@ngs.ru*

МОНГОЛЬСКИЙ ШЛЕМ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА*

Введение

Металлические шлемы появились в арсенале защитных средств у воинов кочевых племен Центральной Азии в эпоху поздней бронзы в связи с необходимостью защиты головы от поражающих ударов высокоэффективного ударного наступательного оружия – боевых топоров и клевцов, с помощью которых можно было одним ударом вывести противника из строя. Развитие технологии тонкостенного бронзового литья обеспечило возможность изготовления таких сложных металлоемких изделий [Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000, с. 140]. Металлические шлемы и доспехи в древности и средневековье очень высоко ценились, поэтому их старались не оставлять на поле боя и в случае гибели воинов очень редко помещали в погребения или поминальники и жертвенники. Целиком сохранившиеся бронзовые и железные боевые наголовья или их детали в памятниках культуры древних и средневековых nomadов Центрально-Азиатского региона встречаются достаточно редко. В то же время в музейных собраниях России и стран Центральной Азии хранится немало шлемов, относящихся к числу случайных находок, точное местонахождение и обстоятельства обнаружения которых, как правило, неизвестны. В на-

стоящее время такие предметы можно атрибутировать и включить в круг полноценных вещественных источников, применив методику формально-типологического анализа и классификации, разработанную на материалах вооружения средневековых кочевников [Худяков, 1983]. Хронологию и культурную принадлежность атрибутированных вещей можно уточнить, обратившись к закономерностям эволюции разных видов оружия и аналогам из датированных комплексов и иконографических материалов. Важное значение для атрибуции шлемов эпохи позднего средневековья имеют сведения письменных исторических источников и данные фольклора.

Железные шлемы, которые по конструктивным особенностям и внешнему оформлению можно отнести к комплексу вооружения центрально-азиатских кочевников эпохи позднего средневековья, находятся в музейных собраниях в Москве, Санкт-Петербурге, других российских городах, в музеях Монголии, Китая, Кыргызстана.

В Государственном Эрмитаже и Оружейной палате Московского Кремля хранятся хорошо сохранившиеся, богато оформленные шлемы джунгар и халха-монголов XVI–XVIII вв. Эти боевые наголовья были преподнесены российским государям в качестве дипломатических подарков или захвачены в виде трофеев [Горелик, 1979, с. 97–98]. В собрании Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника имеется железный шлем с орнаментированным

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 04-06-80248).